

Э. В. Померанцева

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
«ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО БЮРО» В. Н. ТЕНИШЕВА**

В Ленинграде в рукописном отделе Государственного музея этнографии народов СССР хранятся материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева. Фонд этот, частично пострадавший во время войны, окончательно еще не обработан. К нему не раз обращались этнографы¹, фольклористы же явно не уделяли ему до сих пор достаточного внимания.

Сотрудники В. Н. Тенишева в 1896—1900 гг. собрали не только этнографический, но и фольклорный материал в 24 центральных русских губерниях. Фонд Тенишева насчитывает свыше 1000 рукописей, поступивших от 300 с лишним корреспондентов. Правда, материал из разных губерний количественно неодинаков: из Орловской губернии прислано, например, 308 рукописей, из Вологодской — 278, а из Курской всего 6, из Московской — 3, из Самарской — 1. Различно и качество записей: в одних случаях это скупые сведения, в других подробные описания с безупречно записанными текстами, в одних случаях — беспомощные пересказы, в других — записи, сделанные с соблюдением всех научных требований.

Эти материалы собирались по составленной Тенишевым «Программе этнографических сведений о крестьянах Центральной России» (1-е изд. — 1897, 2-е изд. — 1898 г.).

Работа эта, исключительно широкая по своему масштабу, была предпринята с целью «всестороннего, — как писал в предисловии составитель программы, — изучения быта великорусских крестьян-землепашцев Центральной России»².

От армии корреспондентов, среди которых были и такие крупные впоследствии этнографы, как Д. К. Зеленин, В. Н. Добровольский, А. Н. Балов, в основном же состоявшей из сельских учителей, священников, метеорологов, волостных писарей, мелких помещиков, Тенишев требовал прежде всего точности и достоверности. Рассматривая их как «свидетелей народного быта», он настаивал на точной фиксации виденного и слышанного³.

¹ См.: Н. Начинкин, Материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева в научном архиве Государственного музея этнографии народов СССР, «Сов. этнография», 1955, № 1, стр. 159—163; С. А. Токарев, История русской этнографии, М., 1966, стр. 403—406; М. Г. Рабинович, Этнографическое изучение города в России в конце XIX — начале XX в. (Программа В. Н. Тенишева), «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. IV, М., 1968, стр. 62—79; Г. А. Солова, Верования крестьян Вологодской губернии конца XIX в., «Географическое о-во СССР, Отделение этнографии», Доклады по этнографии, вып. 5, Л., 1967, стр. 71—82; е е же, Народные верования. Христианский календарь, «Доклады отделений и комиссий Географического о-ва СССР», вып. 15, — «Этнография», Л., 1970, стр. 135—142.

² В. Н. Тенишев, Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, Смоленск, 1898, стр. 3.

³ Там же, стр. 4.

«Сотрудник,— писал он в Обращении к сотрудникам, предпосланном программе,— должен постоянно помнить, что от него требуются факты, а не общие отзывы и выводы»⁴.

«Программа» предусматривала сбор материалов по 10 разделам: «физические природные свойства крестьян; местные условия жизни крестьян; общие указания об образе жизни крестьян; общественные установления, обычаи и законы; отношения крестьян между собой и к посторонним лицам; верования, знания, язык, письмо, искусство; семья, обычный порядок жизни; сближение полов, брак; рождение детей, воспитание, обучение; выходящие из ряда обстоятельства».

Каждый из этих основных разделов программы состоял из нескольких параграфов, в свою очередь объединявших цикл вопросов, уточнявших характер сведений, которые должны были быть представлены сотрудником. Хотя в «Программе» нет специальных вопросов о фольклоре, в материалах, собранных при ее помощи, мы находим множество великолепных фольклорных текстов. Особенно широко этот материал представлен в разделе об образе жизни крестьян, в который входят параграфы «Празднества» и «Препровождение свободного времени»; в разделе «Верования», в котором выделены параграфы о демонологии, суевериях, поверьях, знаниях и т. д.; в разделе «Брак», где выделено несколько параграфов о семейных обрядах.

Встречаются фольклорные материалы и в других разделах, иногда на них наталкиваешься совершенно случайно: так, например, в сведениях из Вологодской губернии о порубках казенных и помещичьих лесов приводится песня: «Спеть ли песенку с конца, про Березина купца, про Архипа молодца», в которой сатирически изображается взяточничество начальства⁵.

Одним словом, в материалах Тенишева встречаются, правда очень неравномерно, все фольклорные жанры: пословицы, загадки, заговоры, причеты, приговоры дружек, исторические песни, духовные стихи, обрядовые и необрядовые лирические песни, романсы, частушки, сказки, предания, бывальщины, былички, народная драма. Особенно богаты материалы по демонологическим рассказам и свадебному обряду.

Однако этими текстами не исчерпывается значение тенишевских материалов для фольклористики. Чрезвычайно ценно то, что многие корреспонденты Тенишева дают сведения о характере бытования фольклора, об отношении к нему разных возрастных групп, степени воздействия на него литературы, в частности песенников и дешевых изданий сказок, а также лубочных картинок. Общеизвестно, что отсутствие таких сведений в фольклорных собраниях тормозит изучение истории фольклора. Недостаток этот не изжит в собирательской практике даже в настоящее время, не говоря уже о XIX в.

Здесь же мы находим наблюдения над репертуаром крестьян одновременно из всех губерний Центральной России. Особенно ценны сведения о составе и изменении фольклорного репертуара разных возрастных групп, о характере бытования песен и сказок.

Так, например, очень интересны наблюдения А. Балова над отношением ярославских крестьян к сказкам. «Сказки в настоящее время,— пишет он,— потеряли свое значение в том смысле, что народ не верит в их правдоподобность: песня — быль, а сказка — ложь, существует поговорка. Все эти бабы-яги, людоеды, мальчик с пальчик и т. п. сказочные герои народ признает за чистейший вымысел, хотя сам народ в то же время и верит в домовых, леших, оборотней и т. д.»⁶.

⁴ В. Н. Тенишев, Указ. раб., стр. 4.

⁵ Архив Государственного музея этнографии народов СССР, фонд В. Н. Тенишева (далее — ГМЭ, Ф. Т.), Вологодская губ., Никольский уезд, корр. А. Ушаков, разд. К, п. 482, л. 2.

⁶ ГМЭ, Ф. Т., Ярославская губ., Пошехонский уезд, корр. А. Балов, разд. Ж, п. 202, л. 11.

Корреспондент В. Антипов из Череповецкого уезда Новгородской губернии пишет: «До сказок взрослые крестьяне нашей местности не большие охотники»⁷. Корреспондент А. Бодров из Суздальского района Владимирской губернии сообщает, что «на сказки смотрит народ как на пустую забаву». Вместе с тем он приводит любопытное высказывание одного крестьянина о сказке про Ивана-дурака, что «она не без причины сложена» и теперь «в ясность пришла! и мы дождались, стали на печке ездить»⁸. Сходны и сведения из Меленковского уезда той же губернии: «Сказки в настоящее время стали терять свое прежнее властительное значение»⁹. И. Крупнов из Вологодской губернии сообщает, что «сказки начинают терять свою силу, особенно для подрастающего поколения»¹⁰. Священник Н. Аравийский, говоря о том, что на сказки народ смотрит как на забаву, утверждает, что старинные сказки «забываются все более и более и на смену им выступают новые с фабричным пошибом». «Завзятые сказочницы-старухи,— пишет он,— так отзываются об этом: „нет, новые, другие времена, ни одной хорошей сказки не услышишь“»¹¹. Корреспондент из Рязанской губернии сообщает: «Взрослые крестьяне редко читают сказки и относятся к ним полунасмешливо, полупрезрительно. «Вот еще, стану я сказку читать, чай, не махонький, у меня бабушка на печке сидит, и то лучше расскажет“»¹². Д. К. Зеленин, собиравший в молодости этнографические сведения для Тенишева в Сарапульском уезде Вятской губернии, записал такое свидетельство местного крестьянина: «Сказки теперь рассказывают больше те, которые книжки читают, из книжек все больше. Есть мастера большие»¹³. Говоря о передатчиках сказок, корреспонденты нередко упоминают бродячих мастеровых, печников, плотников, пастухов, чаще всего портных, которые «завлекают крестьян своими рассказами. Особенно хорошо рассказывают бывальщины и сказки, сколько знают прибауток, а все они пропитаны остроумием. Сказки сложены про всех, начиная с архиерея, попа, попадьи, евреев и немцев с русскими. Особенно подобные сказки рассказываются ими охотно, часто и комично. Они и анекдотов много знают, и похождения пошехонцов и мн. др.»¹⁴.

Корреспондент из Вельского уезда той же губернии сообщает, что рассказчиками часто являются солдаты. «Еще с большей охотой,— пишет он,— слушают крестьяне странствующих швецов и чеботарей. Рассказы их всякого характера бывают неистощимы и прерываются обыкновенно всеобщим смехом и восклицаньями удивления»¹⁵.

Все эти свидетельства чрезвычайно важны, так как собиратели пореформенной сказки, несмотря на их многочисленные декларации о необходимости изучения сказки как материала для познания народа, зафиксировали мало конкретных фактов, показывающих отношение к сказке. Имеются лишь общие замечания об умирании сказки или о

⁷ ГМЭ, Ф. Т., Новгородская губ., Череповецкий уезд, корр. В. Антипов, разд. Ж., п. 258, л. 51.

⁸ ГМЭ, Ф. Т., Владимирская губ., Суздальский уезд, корр. А. Бодров, разд. З, ч. 390, л. 7.

⁹ ГМЭ, Ф. Т., Владимирская губ., Меленковский уезд, корр. П. Каманин, разд. Ж, п. 202, л. 11.

¹⁰ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Никольский уезд, корр. И. Крупнов, разд. Д, п. 103, л. 21.

¹¹ ГМЭ, Ф. Т., Пензенская губ., Пензенский уезд, корр. Н. Аравийский, разд. Ж, л. 202, л. 18.

¹² ГМЭ, Ф. Т., Рязанская губ., Зарайский уезд, корр. В. Влазнев, разд. З, п. 248, л. 8.

¹³ ГМЭ, Ф. Т., Вятская губ., Сарапульский уезд, корр. Д. Зеленин, разд. Ж, п. 202, л. 8.

¹⁴ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Тотемский уезд, корр. Миролюбов, разд. М, п. 390, л. 8.

¹⁵ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Вельский уезд, корр. Рождественский, разд. Д, п. 103, л. 3.

происходящих в ней изменениях. Конкретные свидетельства, собранные корреспондентами Тенишева, подкрепляют заключения о судьбах русской сказки в конце XIX в., делавшиеся в известной мере на глазок, на основании косвенных данных¹⁶. Однако самих текстов сказок в фонде Тенишева не так уже много. Объясняется это установкой его руководителей, сформулированной в одном из циркуляров, рассылавшихся сотрудникам: «Имея в виду, что главнейший цикл сказок почти весь исчерпан Афанасьевым и Далем, а варианты тех сказок не представляют существенного интереса, Бюро решило из материалов этого рода принимать на будущее время лишь одни сказки, рисующие бывшие отношения между помещиками и их крепостными и между духовенством и крестьянами»¹⁷.

Несмотря на такую установку, в фонде Тенишева все же насчитывается свыше 120 текстов сказок, большей частью записанных в Ярославской, Смоленской, Вологодской и Орловской губерниях.

Записи эти не дают, конечно, полного представления о характере сказочной традиции конца XIX в. в центральных областях, однако в некоторой степени пополняют наши довольно скудные сведения о сказках этого времени.

Особенно многочисленны в материалах Тенишева свидетельства об изменениях, происшедших в песенном репертуаре, о появлении припевок, одни из которых «обломки старинных протяжных песен, другие — самостоятельный продукт народного творчества»¹⁸. Повсеместно корреспонденты Тенишева наблюдали широкое распространение песен литературного происхождения: «Проводниками новых песен в народе являются писаря и т. н. лица сельской интеллигенции, особенно же дети церковнослужителей, зачастую участвующие в деревенских гуляньях»¹⁹.

Процесс смены песенного репертуара подробно описал корреспондент из Московской губернии Г. Куликовский: «Старость уже не пользуется уважением — мода на городское растет. Особенно заметно это в местной народной поэзии. Старинная песня год от году иссякает, на смену ей идет городская фабричная песня, романс, новую песню охотно слушают, охотно перенимают, она идет из хоровода в хоровод, из деревни в деревню; почти каждый приход «молодцов» из Москвы ознаменовывается появлением в деревне песни, на которую в данное время мода в Москве, на фабриках. К таким новинкам не безучастно относится и пожилое поколение деревни. Мне приходилось наблюдать, как пожилые мужчины, старухи, заслышав в хороводе необычный мотив, лезут к окну и простаивают далеко за полночь, слушая „новую“ песню. В этом году, например, модной песней является „Падший ангел непорочный, не ропщи на жребий свой“».

Он же говорит о широком распространении в Московской области в эти годы частушек: «В нынешнее время едва ли не единственной формой песенного творчества в деревне Московской губернии являются так называемые „прибаутки“, коротенькие песни, чаще четырехстишные, таких песен большой запас»²⁰.

Говоря о тематике частушек, о том, что они касаются разнообразных сторон деревенской жизни, являясь почти единственным видом «поэтического творчества», один из корреспондентов заключает: «Если собрать все эти прибаутки... то мы могли бы иметь оригинальное описание жизни деревни со слов самого крестьянина»²¹.

¹⁶ Э. В. Померанцева, Судьбы русской сказки, М., 1965, стр. 109.

¹⁷ Н. Начинкин, Указ. раб., стр. 161.

¹⁸ ГМЭ, Ф. Т., Ярославская губ., Пошехонский уезд, корр. А. Балов, разд. Д. п. 103, л. 7.

¹⁹ Там же, л. 3.

²⁰ ГМЭ, Ф. Т., Московская губ., Рузский и Можайский уезды, корр. Г. Куликовский, разд. Ж, п. 295, л. 2—3.

²¹ Там же, разд. И, п. 390, л. 19.

Аналогичны сведения из Симбирской, Костромской и Псковской губерний.

О том, что в репертуаре крестьян преобладают песни, занесенные с фабрик, говорит корреспондент из Смоленской губернии Г. Гринев²². О заимствовании песен из песенников сообщают и корреспонденты из Вологодской губернии. Один из них пишет: «Здесь народ, как и везде, любит петь и любит песни, но в последнее время чисто народных, старинных песен слышно очень мало. Близость большого села, отхожие промыслы и грамотность внесли в среду крестьян песни интеллигентного класса, часто мало сродные духу простого народа. Песни эти, конечно, следуя моде, очень часто меняются и страшно искажаются не только словами и окончаниями, но и самым смыслом»²³.

Все корреспонденты утверждают, что частушки — самые излюбленные песни, которые постоянно распевает местная молодежь.

Текстов песен в фонде Тенишева несравненно больше, чем текстов сказок, несмотря на то что присылка их также не поощрялась руководством «Этнографического бюро», считавшего, что большинство из них уже вошло в различные печатные сборники и не имеет большого значения. Исключение делалось для старинных, солдатских и рекрутских песен как для «малоизвестных».

Столь же многочисленны сведения о бытовании пословиц и загадок, детских игр, считалок, песенок и т. д. Ценность всех этих материалов, собранных по одному плану в одно и то же время в 20 губерниях, трудно переоценить: очень интересны, например, сведения, правда малочисленные, о степени распространенности в эти годы народной драмы.

Большой интерес представляют собранные корреспондентами Тенишева материалы по обрядам и обрядовому фольклору.

Описания календарных обрядов представлены из 16 губерний (Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Костромской, Ярославской, Тверской, Новгородской, Калужской, Смоленской, Орловской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Симбирской, Казанской, Вятской). Причем из ряда губерний (Вологодской, Орловской, Пензенской) в записях, сделанных в нескольких уездах, а по некоторым уездам даже в записях нескольких корреспондентов.

Отсутствие материалов из той или другой губернии не может, конечно, приниматься в расчет как показатель при изучении распространения того или иного жанра: достаточно сказать, что из Петербургской губернии вообще не поступило никаких сведений об обрядах, из Московской лишь очень обобщенное описание свадебных обычаев и причетов. Описания же обрядов, даже только упоминаний о бытовании обрядового фольклора, а тем более записи текстов, безусловно, должны учитываться при изучении географического распространения отдельных жанров.

По двум губерниям (Тамбовской и Вятской) в материалах Тенишева мы находим фиксацию всего народного календаря с указанием связанных с ним примет, присловий, а также обрядового ритуала и ряда текстов. В большинстве же случаев корреспонденты Тенишева описывают отдельные обряды и приводят связанные с ними песни. Иногда материалы эти группируются по периодам сельскохозяйственного календаря, чаще по церковным праздникам.

Больше всего в бюро Тенишева сведений о зимних и весенних обрядах и связанном с ними фольклоре. Ценно то, что корреспонденты Тенишева, отвечая на вопросы «Программы», невольно дают описание обрядности в комплексе, описывая вечорки, посиделки, игрища, ряженья, гаданья.

²² ГМЭ, Ф. Т., Смоленская губ., Дорогобужский уезд, корр. И. Гринев, разд. Ж, п. 246, л. 17.

²³ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Вологодский уезд, корр. Ил. Шадрин, разд. Д, п. 103, л. 1—3.

Фольклорные тексты представлены в основном колядками, подблюдными песнями и славлениями Христа. Так, великолепные и многочисленные тексты колядок мы находим в материалах Владимирской и Рязанской губернии, очень хороши разнообразные колядки, записанные С. Климентовым в 1899 г. в Ярославской губернии, с зачином:

Благослови-ка ты, хозяин
Под окошком стать
Коляду рассказать и т. д.²⁴.

В Вологодской губернии, по свидетельству корреспондента, колядут дети и подростки, которые кучей идут с края деревни и у каждого дома поют коляду:

Коляда, коляда, что ходила коляда
По святым вечерам,
Что искала коляда
Государева дворца.
Государев-то дворец осередь Москвы,
Да осередь Вологды...²⁵.

Хозяева выносят колядовщикам пироги или деньги. Если кто не отблагодарит за колядование, то поют:

А у этого бы хозяина,
Одна бы была корова
Штобы нездорова²⁶...

Тексты «Овсеня» и «Таусеня» сообщены корреспондентами из Владимирской, Рязанской, Орловской, Тамбовской и Пензенской губерний. В Пензенской губернии накануне Нового года ходят «корить», причем пение корильных песен сопровождается припевом «Таусень». Любопытны сведения опять же из Пензенской губернии об обходе телячьим пастухом на рождество дворов с приговорами.

Целый ряд корреспондентов упоминает о том, что дети на святках славят Христа. Так, например, в Пензенской губернии зарегистрированы славления: «Пречистая Дева Мария Христа породила» и «Я маленький хлопчик, принес Христу снопчик». То же в Рязанской и Владимирской губерниях.

Обычай гадать на святках зарегистрированы в 12 губерниях, текстов же подблюдных песен корреспондентами Тенишева приведено, как ни странно, сравнительно немного, больше других — из Орловской губернии.

Любопытны материалы в сообщениях корреспондентов о праздновании масленицы во Владимирской, Рязанской, Ярославской, Костромской, Тверской, Пензенской и Орловской губерниях, в частности о проводах и сожжении масленицы. В этих корреспонденциях встречаются и тексты песен. Это тем более важно, что текстов масленичных песен сохранилось сравнительно немного. Так, например, из Ростовского уезда Ярославской губернии сообщен такой любопытный текст масленичной песни:

Гори, гори масленица,
Семенова племянница,
Пройдет семь недель —
Придет Светлый день.
Будут Пасху носить —
Будут яйца красить²⁷.

²⁴ ГМЭ, Ф. Т., Ярославская губ., корр. С. Климентов, разд. Ж, п. 245, л. 10.

²⁵ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Грязовецкий уезд, корр. А. Каменев, разд. Ж, п. 143, л. 1.

²⁶ Там же.

²⁷ ГМЭ, Ф. Т., Ярославская губ., Ростовский уезд, корр. Краснораменская, разд. Ж, п. 243, л. 9.

В Орловской губернии собиратель В. Преображенский подробно описал масленичное катание с фиксацией разговоров молодежи и обрывков песен. Он же полностью привел тексты трех масленичных песен: «Сударыня масленица, гусли гудут, меня молодешеньку мысли берут», «Калинушка, малинушка, лазоревый цвет» и «Травушка, муравушка, зеленый лужок, милый дружок»²⁸.

Из Костромской губернии корреспондент сообщает великолепный раешный текст масленичного указа. Этот длинный рифмованный указ, «украшенный» многочисленными непристойностями, записан со слов слепой старухи, урсженки Вологодской губернии²⁹.

Весенние обряды представлены в архиве Тенишева материалами из 11 губерний: Владимирской, Рязанской, Ярославской, Пензенской, Орловской, Воронежской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Вологодской, Вятской. Из всех этих губерний корреспонденты прислали тексты веснянок, иногда коротеньких закличек, иногда длинных песен, как рязанская «Ай, чувиль-вильвиль, ныне сороки святые», характерная своей сатирической направленностью.

Волочebных песен в архиве нет, за исключением колядки, которую поют — «лалынькают» — девочки в Жиздринском уезде Калужской губернии на святой неделе:

Вдоль по улице по широконой
Там и шли-прошли да лалыньчики,
Да лалынь, лалынь, лалыньчики.
Они шли прошли, волочилися,
Деревенских собак надразнилися
Да лалынь, лалынь, надразнилися и т. д.³⁰

Из большинства губерний сообщены тексты троицких и семицких песен, из немногих — описания кумления с соответствующими текстами.

Среди богатых материалов из Пензенской губернии приведена очень странная троицкая песня пастухов, которая самим корреспондентом квалифицируется как «остаток языческого обряда» и, очевидно, либо свидетельствует о взаимодействии русской и мордовской обрядности, либо несколько фальсифицирована собирателем:

Ганиклинись, божок,
Паси мою корову,
Паси мою телку,
Не пускай вора-волка,
Пасу, пасу овцу,
Тебя, волка не боюсь,
Ибо солнцевласый
Бог тебя не пустит.
Ладо, ладо, солнце,
Дай ему щелчок в нос³¹.

В корреспонденции из Пензенской же губернии описан хоровод, который водят вокруг «убранного зеленью парня, на голове у которого пирог». При этом поют песню:

Юрий, вставай рано, отмыкай землю!
Выпускай росу на теплое лето.
На буйное жито, на ядренистое,
На жито, на колосистое³².

²⁸ ГМЭ, Ф. Т., Орловская губ., Орловский уезд, корр. В. Преображенский, разд. Ж, п. 245, л. 1.

²⁹ ГМЭ, Ф. Т., Костромская губ., Никольский уезд, корр. Я. Кузнецов, разд. Д, п. 103, л. 1.

³⁰ ГМЭ, Ф. Т., Калужская губ., Жиздринский уезд, корр. Е. Зорина, разд. Ж, п. 245, л. 1.

³¹ ГМЭ, Ф. Т., Пензенская губ., Краснослободский уезд, корр. Алферьевский, разд. Ж, п. 245, л. 22.

³² ГМЭ, Ф. Т., Пензенская губ., Чембарский уезд, корр. Лихачев, разд. Ж, п. 244, л. 7.

Обычай окликать Егория и соответствующие тексты приводятся корреспондентами из ряда губерний, однако аналогичного обряда там не зафиксировано.

Заслуживают особого внимания в фонде Тенишева купальские песни. Так, в материалах Рязанской губернии мы находим четыре текста купальских песен, записанных крестьянином Влазневым, бывшим крепостным Огарева. Одна со слов старожил, другие собраны по частям у разных информаторов. Среди них особенно интересен следующий текст:

Ой ты дед, боровик,
Полевой и водяной,
Не замайте нас в бору,
Мы дотошны, молвим слово,
Чур нас, чур нас, не замай!
Мы пришли в бор гулять,
Чтоб купалу подымать,
Хороводы и круга
Поводить нам до утра³³.

Купальские песни записаны корреспондентами Тенишева и в Орловской и Смоленской губерниях.

Не менее интересны, чем сведения о календарных обрядах, в фонде Тенишева и материалы по свадебному обряду и фольклору. Сведения о свадьбе представлены по всем 24 губерниям, причем из ряда губерний не только по нескольким уездам, но и по нескольким деревням одного и того же уезда. Большинство корреспондентов подробно описывает самый ритуал свадебной игры, однако далеко не все фиксируют при этом фольклорные тексты или хотя бы дают их выборочно. Многие ограничиваются тем, что приводят лишь перечень исполняющихся во время свадьбы песен. Особенно подробные описания свадебной игры с приведением текстов причетов, приговоров дружек и песен доставлены корреспондентами из Новгородской, Вологодской и Смоленской губерний. Отдельные описания достигают 70—80 страниц машинописного текста. Среди многочисленных и разнообразных текстов свадебных причетов особенно выделяются своей поэтичностью, образностью и вместе с тем ярко выраженной локальностью причеты невесты, записанные в Вологодской губернии.

Свет светится, зорюшка занимается,
Из-за зорюшки всходит красное солнышко.
Обогрело ты, солнышко, святую Русь святорусскую,
Всю Москву со боярами, всю Литву с татарами,
Святую Русь со крестьянами...³⁴

С поэтическими причетами невесты, ее матери, сестер и подруг контрастируют не только своим содержанием, настроением, но и ритмическим строем приговоры дружек. Так, в той же Вологодской губернии зафиксирован любопытный текст приговора дружки с таким зачином: «Я человек не шведский, не турецкий, не персидский, а такой же российский, Вологодской губернии, Кадниковского уезда»³⁵.

Без преувеличения можно сказать, что в фонде Тенишева сохранен весь репертуар свадебных песен Центральной России, живший в народном быту в конце XIX в.

В большинстве случаев корреспонденты отмечают связь приводимых ими песен с отдельными моментами обряда и указывают, кто эти песни поет (подруги невесты, сестры жениха, свашки и т. д.).

³³ ГМЭ, Ф. Т., Рязанская губ., Зарайский уезд, корр. В. Влазнев, разд. Ж, п. 244, л. 7.

³⁴ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Тотемский уезд, корр. И. Голубев, разд. И, п. 409, л. 4—5.

³⁵ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Кадниковский уезд, корр. Ил. Шадрин, разд. И, п. 410, л. 8—11.

Очень разнообразно представлены в материалах Тенишева корильные песни: свахе, свату, дружке, свекрови и т. д. Корильные песни, как правило, даются корреспондентами с указанием, к какому моменту обряда они приурочены.

Материалы архива являются неоценимой основой для картографирования свадебного обряда Центральной полосы России конца XIX в. В результате умело поставленных вопросов анкеты были получены описания обряда во всех его деталях, включая костюм, поведение участников. Старательные и заинтересованные корреспонденты по целому ряду губерний дали не только перечень свадебных песен, но добросовестно воспроизвели как фольклорные тексты (песни, причеты, приговоры, формулы, загадки), являющиеся неотъемлемым компонентом свадебной игры, так и разговоры и переговоры — бытовые, частично тоже обрядовые, которые предшествуют свадьбе и сопровождают ее.

Несколько беднее, но также достаточно подробно описаны похоронные обряды. Для исследователей фольклора особый интерес представляют приводимые при этом описания похоронных игр и тексты причетов.

Есть в фонде Тенишева и сведения о крестильных обрядах, как правило, очень скудные.

Что касается других обрядов и связанного с ними фольклора, то нельзя не отметить нескольких описаний обряда опахивания. Так, в Псковской губернии отмечается опахивание могил, в Пензенской — опахивание села на Красную горку, сопровождаемое текстом своеобразной веснянки:

Райски птички прилетите
Красну весну принесите и т. д.³⁶

Среди описаний опахивания во время чумы, холеры, моровой язвы привлекает внимание описание опахивания из той же Пензенской губернии, в котором приводится несколько очень полных арханческих текстов: «От океан-моря глубока, от лукоморья ли зеленого выходили двенадцать дев», «Смерть ты, коровья смерть выходи из нашего села», «Выйди вон, выйди вон, из села, из села», «Где это видно, где это слышно, чтобы вдовушки пахали»³⁷.

Очень детально описывает обряд опахивания В. Преображенский, наблюдавший его во Мценском уезде Орловской губернии 25 июля 1896 г. Он приводит имена участников, пересказывает свои разговоры с ними и очевидцами-односельчанами.

Если в фонде Тенишева могут найти много ценных текстов исследователи сказок, преданий, детского фольклора, малых жанров фольклора и песен, то совершенно неопределимо его значение при изучении таких малоисследованных жанров, как быличка и бывальщина. Объясняется это тем, что раздел «Верования» состоял более чем из полусотни параграфов, каждый из которых заключал в себе по несколько десятков вопросов. Материал этот, как известно, был использован С. В. Максимовым в его вышедшей посмертно книге «Нечистая, неведомая и крестная сила»³⁸. Поэтому нет необходимости подробно на нем останавливаться. К сожалению, корреспонденты в большинстве случаев дают сведения о верованиях и пересказывают бытующие в их местности былички и бывальщины, т. е. сообщают материал, интересный для этнографа и лишь относительно ценный для фольклориста. С. В. Максимов именно так и рассматривал его, не ставя перед собой цель «фольклористического» его изучения.

³⁶ ГМЭ, Ф. Т., Пензенская губ., Инсарский уезд, корр. Л. А. Глебов, разд. Ж, п. 223, л. 4.

³⁷ Там же, Городищенский уезд, корр. П. Невзоров, разд. К, п. 439, л. 2—7.

³⁸ С. В. Максимов, Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб., 1905.

Интересно свидетельство одного из корреспондентов, что в ответ на его сомнения крестьянин, сообщивший несколько быличек, сказал: «Таким обыкновенным рассказам не верить, так чему же и верить? Прежде еще не такие дела бывали; ух, только подумаешь, так кожу обдирает»³⁹.

Целый ряд рассказов о кладах записан от крестьянина, всю жизнь отыскивающего клад; многие корреспонденты свидетельствуют, что крестьяне не только любят слушать рассказы о кладах, но твердо верят в их существование и в возможность найти их при помощи чародейства.

Хотя, как уже было отмечено, различные фольклорные жанры представлены в фонде Тенишева неравномерно, все же, несмотря на это, сгусток фольклорных текстов, записанных с целью изучения народа и его быта, дает необычайно яркое представление о процессах, имевших место в фольклоре на рубеже XIX и XX вв. Достигается это тем, что фольклор записывался корреспондентами не изолированно, а как звено этнографических наблюдений. В результате, несмотря на некачественность (за немногими исключениями) записей, несмотря на отсутствие сплошь и рядом паспорта, почти полное отсутствие сведений об исполнителях, т. е. пренебрежение основными правилами научной фольклористической записи, мы можем говорить с полным правом, что материалы Тенишева характеризуют жизнь фольклора в конце XIX в. в Центральной России.

В заключение хочется подчеркнуть, что кроме ценных этнографических материалов, многочисленных фольклорных текстов, сведений о взглядах и мироощущении крестьян, взаимоотношениях их между собой, отношениях к помещикам и чиновникам, к священникам и учителям, о семейных отношениях мы находим любопытные материалы, как бы выходящие за круг тематики, которую намечали вопросы «Программы» Тенишева.

Так, например, среди материалов, поступивших из Петербургской губернии, мы находим запись длинного рассказа колдуна (24 машинописных страницы) о том, как он сделался таковым, и рассказов о нем крестьян. Интересно, что эти сведения собраны художником В. М. Максимовым — автором известной картины «Приход колдуна на свадьбу». В. Максимов отмечает, что доверие к нему колдуна особенно возросло, когда он увидел эту еще не законченную им картину⁴⁰. Таким образом, искусствоведы, изучающие историю русского искусства XIX в., могут здесь найти любопытный штрих, дополняющий сведения о биографии художника В. Максимова.

Интересен материал, связанный с именем другого художника — В. И. Перова. Корреспондентка из Калужской губернии Е. Зорина в 1900 г. сообщает, что много лет назад, когда в их края приехал на этюды молодой художник Перов, среди крестьян распространились слухи, что он оборотень. Основу для этих слухов дал до тех пор в Жиздринском уезде не виданный велосипед, на котором художник разъезжал по уезду. Подозрения крестьян усилились еще благодаря тому, что Перов стал зазывать к себе натурщиков, причем платил им на 5 копеек больше, чем они получали поденных. В связи с этим одни стали говорить, что он прислан тайно государыней, задумавшей устроить себе отдельную губернию и поручившей художнику набрать для нее особенно красивых и здоровых крестьян. Другие утверждали, что, увезя с собой портрет, художник может в любое время выстрелом или ударом ножа убить позировавшего ему человека. Все эти толки привели к решению избить подозрительное

³⁹ ГМЭ, Ф. Т., Вологодская губ., Вологодский уезд, корр. А. Аристархов, разд. Ж, п. 200, л. 1.

⁴⁰ ГМЭ, Ф. Т., Петербургская губ., Новоладожский уезд, корр. В. Максимов, разд. Ж, п. 208, л. 1—24.

лицо. Спасло художника лишь вмешательство священника — отца корреспондентки ⁴¹.

Нет возможности в небольшой статье рассмотреть весь материал архива Тенишева, столь он богат и разнообразен. На основе его написаны две большие книги, несколько статей, и все же он недостаточно вошел в научный оборот.

Цель настоящего сообщения — разбудить интерес исследователей фольклора к богатым материалам, заслуживающим внимательного и глубокого изучения.

Считаю своим приятным долгом выразить благодарность строгому хранителю этих богатств — заведующему рукописным отделом ГМЭ В. С. Бойкову за его отзывчивость и оказанную мне при работе в архиве постоянную товарищескую помощь.

⁴¹ ГМЭ, Ф. Т., Калужская губ., Жиздринский уезд, корр. Е. Зорина, разд. Ж, п. 297, л. 1—2.